

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Старый шайтан



Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Старый шайтан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22138297

Аннотация

«Осип Максимыч Чебаченко, „ушибленный женой“ доктор, как говорили про него злые языки, по обыкновению молчал, а его жена Дарья Гавриловна, бывшая акушерка, ликовала. – Это будет целесообразно... – повторяла она ни к селу, ни к городу. – Да, целесообразно... Мадам Нансен исходила с мужем на лыжах всю Швецию, а затем Шпицберген; мистрис Пири тоже на лыжах исходила со своим мужем, капитаном Пири, всю Гренландию... Ты слышишь, Осип Максимыч?..»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Старый шайтан

I

Осип Максимыч Чебаченко, «ушибленный женой» доктор, как говорили про него злые языки, по обыкновению молчал, а его жена Дарья Гавриловна, бывшая акушерка, ликовала.

– Это будет целесообразно... – повторяла она ни к селу, ни к городу. – Да, целесообразно... Мадам Нансен исходила с мужем на лыжах всю Швецию, а затем Шпицберген; мистрис Пири тоже на лыжах исходила со своим мужем, капитаном Пири, всю Гренландию... Ты слышишь, Осип Максимыч?..

– Гм... да... то есть целесообразно...

– Отчего же я не могу ехать, то есть идти с вами в экспедицию? Кажется, ничего нецелесообразного в этом нет?

– О, да... гм... вообще... Очень целесообразно...

В тоне мужа слышалась некоторая ирония, но жена давно привыкла не обращать на него внимания. Он был плечистый, коренастый мужчина, с окладистой русой бородкой, лет под сорок; она – сильная брюнетка с усиками и большими красными руками. В последнее время она была особенно занята собой, что забавляло мужа. Такая простецкая бабища и

вдруг принялась на старости лет рядиться. Дарья Гавриловна и в молодости не блистала красотой, а теперь модные костюмы положительно делали ее смешной. Она походила на горничную, донашивающую старые платья своей барыни. Всего больше доставалось лицу – Дарья Гавриловна чем-то каждый вечер растирала его, засыпала пудрой, массировала морщины в углах глаз, подводила глаза, чтобы они казались больше, и подолгу «работала» перед зеркалом, не стесняясь присутствия мужа. Секрет этого запоздалого кокетства заключался в том, что в заброшенном на далекий север уездном городишке Заволочье она являлась почти единственной дамой и на этом основании пользовалась некоторым вниманием мужчин.

В Заволочье было всего четыре тысячи жителей, а интеллигенция – наперечет по пальцам. И какая интеллигенция: какие-то дряхлые старцы, дослуживавшие свой срок на пенсию, молодые – начинающие люди, приезжавшие сюда на короткое время, до приискания настоящего места, и, наконец, очень сомнительные чиновники с прошлым, которые отбывали здесь свою чиновничью ссылку. Народ был все бессемеиный, а две – три дамы достигли того предельного возраста, когда мужчины бывают только вежливы. Одним словом, Дарья Гавриловна почувствовала себя женщиной.

«Что же, на чужой стороне и старушка – хлеб», – ядовито думал про себя Осип Максимыч, наблюдая молодившуюся жену.

По наружному виду доктор казался добродушным малым, но, в сущности, он отличался скрытою ехидностью и даже ядовитостью. Если эти милые душевные качества не проявлялись постоянно, то только потому, что он боялся своей жены. Ненавидел ее и боялся. Она отвечала ему тою же монетой, но с тою разницей, что несколько его не боялась. В общем они составляли то, что называется счастливой парочкой.

Поднятый разговор об экспедиции, затеянной председателем земской управы Костылевым, как доктор и предчувствовал, закончился следующим супружеским диалогом:

– С нами примет участие Люстиг, – вскользь заметила она.

– Не может быть? У него блуждающая почка... Это не целесообразно... Виноват, я только теперь догадываюсь, для чего ты сшила себе зеленую фланелевую мужскую блузу...

– Оставь, пожалуйста... Ты ничего не понимаешь. У тебя всегда найдется какой-нибудь паллиатив...

Образование Дарьи Гавриловны было довольно скудно, и на этом основании она особенно любила вставлять иностранные слова, иногда совершенно неуместно, как в данном случае. Впрочем, ее репертуар в этом отношении не отличался обширностью: паллиатив, корректно, компромисс и т. д.

– Ты съездишь к нашему председателю земской управы... – продолжала Дарья Гавриловна как ни в чем не бывало, – и уговоришься с ним окончательно... Он так упрашивал меня принять участие в этой экспедиции.

«Врет, все врет... – думал доктор. – Впрочем, милейший Григорий Семеныч и сам немного того... не все дома...»

Чтобы быть последовательным, доктор отправился к председателю и повел дело довольно дипломатически, чтобы не показаться навязчивым. Но Григорий Семеныч предупредил его.

– А я только хотел ехать к вам, Осип Максимыч, чтобы уговориться относительно нашей экспедиции. Меня уже спрашивали Люстиг и Фомин.

Председатель земской управы Костылев отличался очень веселым характером и неистощимой предприимчивостью. В качестве холостяка он имел все права быть веселым, но за предприимчивость ему попадало. Последним председательским «пунктиком» было оживление глухого северного края при помощи путей сообщения, для чего он выпрямлял течение глухих упрямых рек, проводил новые дороги по непроходимым дебрям, мечтал о соединительных каналах, пароходстве и даже своей собственной, земской Заволочской железной дороге. Его называли мечтателем и советовали обратиться к воздухоплаванию. Затеваемая экспедиция была связана именно с целью пройти новую линию земской дороги, которая должна была соединить Заволочье с бассейном Печоры. Наполовину была уже сделана просека, и оставалось закончить вторую половину.

– Очень хорошо... – повторял Костылев, потирая руки от удовольствия. – Какие места я вам покажу... Пальчики об-

лижете!..

Доктора немного смущало только то, что Костылев ни слова не говорит об участии в экспедиции Дарьи Гавриловны, что составляло суть его визита. Самому ему как-то неловко было говорить об этом. Доктор сидел на диване и курил папиросу за папиросой, а Костылев, кудрявый блондин с большими близорукими глазами, шагал по комнате и развивал свои планы, постоянно повторяя: «Не правда ли?»

У доктора уже являлось предательское желание уйти домой, что он и сделал бы, если бы не боялся показаться жене с пустыми руками. Но в самый критический момент его выручили Люстиг и Фомин. В Заволочье звонков не полагалось, двери не затворялись (во всем городе был всего один вор), и гостеприимный хозяин, когда в передней слышалось топтание и предупредительный кашель, обыкновенно кричал, как часовой на посту: «Кто там?» Но свои люди вваливались без всяких церемоний. Лесничий Люстиг, тонкий, черноволосый господин с претензиями провинциального щеголя, с брелоками, булавкой в галстук и модными перстеньками, еще в передней визгливо продолжал спор, очевидно, начатый еще дорогой:

– А я вам говорю, Аркадий Яковлич, что будет прекрасная погода... да!.. Мой aneroid никогда меня не обманывает, а потом я старый лесной волк...

– А мой барометр предсказывает ненастье, – сказал Фомин, довольно неуклюжий господин, косолапый и с несораз-

мерно длинной спиной, точно самой природой предназначенный всю жизнь волочить таксаторскую цепь. – Да, ненастье...

– Врет ваш барометр! А вы вечно желаете спорить и портите другим характер... Мой анероид... Впрочем, вы можете и дома оставаться, а мы совершим экспедицию и без вас... Ах, доктор, здравствуйте!.. Вот кстати, голубчик! А я только что от вас... да...

Люстиг играл в Заволочье роль души общества. Немного играл на гитаре, пел больным тенориком малороссийские песни, никогда не отказывался от партии в винт, рассказывал остроумные анекдоты и при всяком удобном случае считал почему-то нужным уверять всех, что он настоящий, коренной хохол, несмотря на свое имя, отчество и фамилию – Карл Карлович Люстиг.

– Ну, так как, Григорий Семеныч? – говорил Люстиг, фамильярно хлопая Костылева по плечу. – Решено: оживляем край? Пусть губернатор говорит, что у нас в Заволочском уезде петух с тремя курицами подохнет с голоду, а мы ананасы будем разводить... Ах, кстати: Дарья Гавриловна согласилась принять участие в нашей экспедиции. Знаете, это самый лучший знак: разве возможна жизнь без женщины? Я ей, то есть Дарье Гавриловне, свои лакированные ботфорты послал еще утром... Ах, виноват, я, кажется, выдаю чужой секрет...

– Что же, отлично... – бормотал Костылев, поглядывая на

ухмылявшегося Фомина. – Да, хорошо...

Таким образом, вопрос был решен, и доктор мог вернуться на свое пепелище со спокойной совестью. Дорогой он тоже ухмылялся и повторял про себя: «Тоже обрадовала милейшая Дарья Гавриловна почтеннейшую публику... Вот дурища писаная!» Он был прав, потому что не успела за ним затвориться дверь, как Фомин и Костылев накинулись на Люстига.

– Вы нас без ножа зарезали!! Ну, куда мы потащим за собой эту корову?.. И все ваш язык, Карл Карлыч...

– Я... что же я? – вертелся Люстиг. – Я тут ни при чем. Она сама пристала ко мне с ножом к горлу... Как же отказать даме?

– Ну и ступайте с ней вдвоем оживлять край... – ворчал Фомин, пользуясь случаем. – Две ночи придется провести в лесу, и вдруг дама... тьфу!.. А вы ей свои сапоги посылаете...

– Это какая-то зебра полосатая! – ругался Костылев. – И я могу только удивляться, что некоторые люди могут на нее обращать внимание...

Друзья доктора рассуждали, как истинные друзья, и чуть не подрались.

II

Сборы в экспедицию немного затянулись из-за того, что Дарья Гавриловна слишком долго выбирала фасон мужских панталон для своего костюма. Вопрос получился самый серьезный и рассматривался со всех точек зрения, с принятием во внимание всевозможных дорожных случайностей. Разрешился он тем, что Дарья Гавриловна собственноручно соорудила себе настоящие кавалерийские рейтузы. Доктор так и покотился со смеху, когда она показалась ему в примерке.

– Вот это так целесообразно и никаких паллиативов! – заметил он с обычной ядовитостью. – Корректно вполне и без компромиссов...

– Болван!..

Члены экспедиции собрались у Костылева и всячески изощряли свое остроумие по адресу Дарьи Гавриловны.

– Недаром говорится, что бабьи сборы – гусиный век, – ворчал Фомин. – Одним словом, будет зеленая чертова кукла... А все Люстиг со своим языком... У меня барометр падает, господа...

Не менее внимания занял вопрос относительно головного убора, пока Дарья Гавриловна не остановилась на высокой шляпе тирольских охотников с орлиным пером. Последнее, впрочем, пришлось заменить петушиным, но это были уже пустяки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.